

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Глобальная повестка устойчивого экономического роста
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УСПЕХ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ: КАК
ПОДДЕРЖАТЬ РОСТ
Панельная сессия**

20 июня 2013

11:45—13:00, Павильон 8, Конференц-зал 8.2

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Майкл Эллиот, Президент, главный исполнительный директор, ONE

Выступающие:

Хелен Кларк, Администратор Программы развития ООН

Михаил Маргелов, Специальный представитель Президента Российской Федерации по сотрудничеству со странами Африки

Чарльз Окехалам, Управляющий директор, AGH Capital

М. Эллиот:

Доброе утро, дамы и господа!

Наверное, не все еще собрались, но мы начнем сессию согласно расписанию. Очень приятно оказаться в Санкт-Петербурге в середине лета. Вчера я решил проверить, правда ли то, что говорят о городе, и вышел прогуляться в полночь. Действительно, это была белая ночь. Побывать здесь в это время года — просто замечательно!

Меня зовут Майкл Эллиот. Я — президент и главный исполнительный директор ONE Campaign, всемирного общественного движения, содействующего мобилизации ресурсов для борьбы с крайней бедностью и предотвратимыми болезнями. Здесь собрались первоклассные эксперты, и я хочу поставить вопрос, который часто поднимается на международных форумах: как поддержать экономический рост Африки к югу от Сахары? Будет ли этот рост устойчивым? Мы слышали об африканских львах, африканских газелях... В последние несколько лет правила мировой игры стали значительно меняться. Будут ли продолжаться эти изменения? Слева от меня сидит человек, вряд ли нуждающийся в представлении: Хелен Кларк, выдающийся администратор ПРООН — Программы развития Организации Объединенных Наций. Слева от нее Джон Портер, представляющий компанию Renaissance Capital: он десять лет проработал в Африке, занимая должности в частных компаниях. Справа от меня — Михаил Маргелов, сенатор и специальный представитель Президента Российской Федерации по сотрудничеству со странами Африки. Я очень рад, что он сегодня здесь, с нами. За ним — Чарльз Окехалам, управляющий директор AGH Capital. Вначале мы быстро обменяемся мнениями. Затем я сделаю обобщающее выступление, мы выслушаем дискуссию экспертов, а затем перейдем к вопросам от присутствующих в зале. Хелен, работая в Программе развития, вы, конечно, повидали в Африке много всякого — и хорошего, и плохого, а порой, как мы с Вами только что вспоминали, и трагического.

Мы много слышали в последние годы о том, что экономические перспективы Африки действительно видятся по-новому, что стало больше оснований для оптимизма, больше достижений, что на путь интенсивного экономического развития вступают все новые страны, что жизненные шансы существенно возрастают. Как Вам видится все это? Согласны ли Вы с этой оптимистической картиной?

Х. Кларк:

Думаю, что перед нами настоящая история успеха: Африка становится одним из самых быстроразвивающихся регионов мира. Шесть из десяти самых быстрорастущих экономик находятся в Африке.

Но внутри любой истории всегда содержится другая история. В нашем случае это история человеческого потенциала. Что происходит с ним? На той же стадии развития, при схожих темпах роста странам Восточной и Юго-Восточной Азии, например, удалось достичь бóльших успехов в борьбе с бедностью и развитии человеческого потенциала, чем странам Африки. И это, как всегда, заставляет говорить о качестве роста. Создает ли этот рост рабочие места? Инклюзивен ли он? Способствует ли он продвижению людей по социальной лестнице? Ответом будет: да, но недостаточно. Я не хочу сказать, что бедность не сокращается: это, конечно, происходит. Но необходимо, чтобы она сокращалась более высокими темпами, при более обдуманых стратегиях, направленных на обеспечение качества роста, в том числе и «зеленого» роста. Существуют прекрасные, признанные во всем мире экологические стратегии. Я часто привожу в пример Эфиопию, где при прежнем премьер-министре Мелесе Зенауи стала осуществляться стратегия построения «зеленой экономики», предусматривавшая, в том числе сокращение выбросов окиси углерода и борьбу с климатическими изменениями. Эфиопия — слаборазвитая страна, одна из беднейших в мире. Однако ее руководители ясно заявляют, что искоренение нищеты и развитие человеческого потенциала являются приоритетными задачами, которые

должны решаться с учетом экологических ограничений, установленных природой. Думаю, мы должны вдохновляться такими примерами. Одна из отраслей экономики, которой долгое время не уделялось должного внимания, — это сельское хозяйство. Между тем, в нем занято большинство бедных африканцев. Очень важно разработать стратегии, которые позволили бы улучшить положение мелких фермеров (особенно женщин, которые по ряду причин не могут быть полностью конкурентоспособными). Исключительно важна базовая инфраструктура: электроснабжение, водоснабжение, канализация. В странах Африки идет процесс стремительной урбанизации. В связи с этим становится понятно, что обеспечить развитие сельских районов недостаточно: быстрорастущее городское население нуждается в рабочих местах — как в сфере услуг, так и в промышленности. Но привлечь значительные внешние инвестиции в эти сферы не удастся, пока в странах региона не будет электросетей, водопроводов, дорог, портов и так далее. Третье, что необходимо развивать помимо сельского хозяйства и базовой инфраструктуры — это, несомненно, человеческий капитал. Инвестиций в образование и здравоохранение, в квалифицированную рабочую силу — в эти базовые вещи, определяющие развитие человеческого потенциала, — никогда не бывает слишком много. Вот то, что я предложила бы рассматривать, когда мы говорим о головокружительном росте.

М. Эллиот:

Думаю, в ходе нашей дискуссии нельзя упускать то, о чем Вы говорили: при весьма существенном экономическом росте может не происходить развития человеческого потенциала и сокращения бедности.

Следует активно развивать человеческий потенциал, чтобы экономический рост происходил в верном направлении. Об этом много пишется в замечательном отчете ПРООН, вышедшем в этом году и посвященном развитию человеческого потенциала. Я горжусь тем, что состоял в

консультационном совете, который участвовал в подготовке этого отчета. Михаил, скажите, как все это видится из России?

М. Маргелов

Здесь, в Санкт-Петербурге, в культурной столице России, было бы уместней говорить на русском языке, но для общего удобства я буду говорить по-английски.

Совершенно очевидно, что Россия возвращается в Африку.

Этот процесс начался в 2006 году, когда Президент Владимир Путин совершил свой первый официальный визит в страну, расположенную южнее Сахары, южнее экватора. Он побывал в Южной Африке. Его первый официальный визит в Кейптаун в 2006 году официально обозначил начало возвращения России в Африку. Россия всегда присутствовала там и создала себе положительный имидж в глазах африканцев. Мы никогда не были колониальной державой. Первая русская больница была открыта в Аддис-Абебе в XIX веке, и она до сих пор существует. Надо сказать, что единственной рабочей силой, которую Россия импортировала из Африки, был Александр Пушкин (точнее, его прадед), и сегодня между Эфиопией и Эритреей идет горячий спор о его корнях. Россия всегда вкладывала средства в модернизацию Африки. В советское время мы осуществляли наш проект, который считали верным и приносящим положительные результаты. Мы воспитывали африканскую интеллигенцию, создавали современную экономику во многих африканских странах. Например, даже в Южном Судане, самой молодой африканской стране, можно найти фабрику по переработке фруктов, построенную в начале 1970-х. Должен сказать, что Россия сделала большую ошибку геостратегического характера: в 1990-х годах мы сосредоточились на наведении порядка в своем доме и перестали уделять внимание Африке. В советскую эпоху Африка была для нас полем битвы с международным империализмом — так говорилось в то время. Но в 1990-х годах мы забыли об этом континенте: думаю, это было ошибочно и с экономической, и с

политической точек зрения. Сегодня мы вернулись в Африку и вкладываем средства в экономику африканских стран. Владимир Путин принимал участие в саммите БРИКС в Дурбане и встречался в кулуарах саммита с лидерами 20 африканских стран. Я представлял Россию на 50-м ежегодном саммите Африканского Союза. Мы считаем, что африканские институты нуждаются в укреплении, и полагаем, что только африканцы имеют право и возможность решать проблемы своего континента. Поэтому мы активно выступаем за укрепление Африканского Союза, БРИКС, ECOWAS, NEPAD и всех прочих региональных и субрегиональных организаций, в которые входят страны Африки. Объем нашей торговли со странами Африки составляет 3 миллиарда долларов. Это немного, но товарооборот растет. Мы не только инвестируем в добычу полезных ископаемых и развитие природных ресурсов, но и осуществляем вместе с африканскими странами много проектов в сфере высоких технологий. Так, в Южной Африке реализуется крупный совместный проект южноафриканских и российских компаний по производству солнечных батарей. Он позволит на 75% снизить количество дизельного топлива, используемого для производства электроэнергии. Еще один пример такой совместной деятельности — проект создания АНГОСАТ, ангольского спутника. Таким образом, мы считаем, что у нашего сотрудничества имеется большой потенциал. Африка — это континент, где наблюдается рост. Она находится на подъеме, и мы присутствуем там как страна, несущая большую ответственность, как постоянный член «Большой Пятерки». Мы никогда не уйдем из Африки.

М. Эллиот:

Очень интересно.

Действительно, очень интересно. Чарльз, какой тебе видится эта «поднимающаяся Африка», Африка львов? Что ты думаешь об африканской истории успеха?

Ч. Окехалам:

Начну с выражения благодарности.

Я хотел бы поблагодарить организаторов этой сессии. Я приезжал и в прошлом году, но на Форуме не было сессии, посвященной Африке. Однако Африка поднимается, и наша африканская сессия — первое свидетельство того, что мы признаем этот факт. Хочу поблагодарить за это организаторов. Во-вторых, в ответ на прозвучавший вопрос я хотел бы сказать громкое «Да» и еще раз «Да!».

Африка находится на подъеме. Будет ли ее подъем устойчивым? Полагаю, что да, и сейчас объясню почему. Прежде всего — благодаря демографическому фактору. Через 30 лет Африка будет иметь самую высокую в мире долю населения в возрасте до 30 лет. Такие темпы роста говорят о многом. Этот рост не приведет к увеличению бедности, как в прежние времена. Он приведет к увеличению объема товаров и услуг, а также к развитию технологий, что вызовет рост потребления и покупательной способности. Итак, сегодня происходят позитивные сдвиги. Хелен Кларк указала, что шесть из десяти самых быстрорастущих экономик — африканские. Мы видим, что макроэкономические стратегии становятся все совершенней. Мы видим, как возрастает стабильность. Да, пока на африканском континенте существуют горячие точки — Демократическая Республика Конго, Судан, и некоторые другие страны. Но и там острота проблем значительно снизилась по сравнению с тем, что наблюдалось 20 лет назад. Эти основополагающие факторы экономического развития изменят историю Африки. Континент больше не будет знать войн, насилия, голода и деградации.

Хотя проблемы остаются, мы смотрим в будущее с оптимизмом. Но надо быть реалистами. Хелен Кларк обозначила серьезную проблему: экономический рост при нынешнем социальном неравенстве может не дать желаемого эффекта. Ряд факторов будет препятствовать этому, и им сложно противодействовать. Поэтому один из главных вопросов — это поиск

механизмов, обеспечивающих инклюзивный рост. Следующим и, возможно, наибольшим препятствием на пути к устойчивому экономическому развитию является состояние базовой инфраструктуры.

Обратимся к цифрам: Африка южнее Сахары производит примерно столько же электроэнергии, что и Испания. Теперь перейдем к реальной экономике: как сделать так, чтобы частные фирмы наладили эффективное и рациональное производство? Сегодня они подошли к границе эффективности — не потому, что менеджеры плохо работают или рабочие нерасторопны, а потому, что себестоимость электроэнергии слишком высока. При нынешних ценах на нее промышленность не может играть ту роль, которую могла бы играть. Есть и другая проблема, последствия которой еще более пагубны.

Где-нибудь на рынке в одной из африканских стран вы можете встретить даму со спутниковым телефоном, которая использует мобильную платежную систему M-Pesa для отправки денег, и это прекрасно. Но эта же дама не имеет надлежащего доступа к чистой воде. Если посмотреть, сколько времени женщины тратят на выполнение элементарных бытовых работ — как превосходно выразилась Нкосазана Дламини-Зума, женщины составляют 50% населения и рожают остальные 50%, — обнаружится, что рынок труда искусственно поддерживается в нездоровом состоянии. Итак, две главные проблемы — состояние образования и инфраструктуры. Добавлю еще кое-что относительно инфраструктуры.

Малярия, например, является фактором, препятствующим появлению инфраструктуры. Во многих местах с малярией удалось справиться благодаря улучшению гигиены и санитарных условий. Там сократилось число водоемов со стоячей водой. Хочу подчеркнуть со всей отчетливостью: проблема заключается не в оборудовании кроватей противомоскитными сетками. Она заключается в улучшении санитарных условий, которое снижает заболеваемость малярией. Я знаю, это противоречит распространенному мнению, но комар не выражает сочувствия работающим на ферме. Он не говорит: «Сейчас вы не защищены противомоскитной сеткой, я не буду вас

кусать!». Moskit с удовольствием укусит вас, где бы вы ни были — в амбаре или в ванной комнате. Если вы сможете уменьшить загрязнение воды и улучшить санитарные условия, главная проблема будет решена. Об инфраструктуре я мог бы говорить долго, но сделаю последнее замечание: Африка больше не хочет гуманитарной помощи. Это время прошло. Африке нужно развивать торговлю. Страны Африки хотят активнее торговать друг с другом, и мы делаем шаги в этом направлении — в частности, компания, которую я представляю. Но мы хотим торговать и с другими странами. Мы хотим вносить свой вклад в расширение объема мировой торговли. Вот как мне все это представляется. При выборе из трех видов финансирования — субсидирование, кредитование и инвестиции в акционерный капитал — африканцы предпочтут последнее. Эффективность субсидий низка. В отсутствие необходимых институтов они попросту растрачиваются. Получив субсидию, вы говорите: «Хорошо, что вы предоставили безвозмездную помощь. Мы потратим деньги так, как нам хочется и так, как мы это делали раньше» Далее — кредит. Кредит на льготных условиях — это даже лучше, чем инвестиции в акционерный капитал или прямое финансирование.

Итак, нас воодушевляет происходящее в Африке. Мы видим проблемы, но видим и возможности.

М. Эллиот:

Есть много тем, которые я хочу затронуть: состояние инфраструктуры, экономическая помощь.

Безусловно, доступ к электроэнергии — крайне серьезная проблема. Мы все говорим об энергетике в Африке, и, конечно, будем возвращаться к этому. Следует задуматься над цифрами, которые Вы привели: по общей мощности электростанций или производству электроэнергии вся Африка южнее Сахары сравнима с Испанией. При этом нельзя забывать, что около 40% этих мощностей приходится на Южную Африку.

Ч. Окехалам:

Это так, и я объясню причину.

Южная Африка — крупнейшая экономика континента, но вы знаете, что сейчас в стране сложная ситуация. СМИ зачастую негативно освещают происходящие в ней события. Они также полны опасений относительно состояния здоровья Нельсона Манделы, за которого мы постоянно молимся. Я живу в Йоханнесбурге, но, будучи нигерийцем, всегда напоминаю своим соотечественникам, что в 1994 году, когда Африканский национальный конгресс пришел к власти, 50% домохозяйств в стране не имели питьевой воды. В 2012 году питьевой водой снабжались 93% домохозяйств. Это было достигнуто за счет государственных расходов. Безвозмездное финансирование таких расходов — я сознательно говорю о безвозмездном финансировании — должно осуществляться государством через прозрачные институты, которые не будут грабить людей. Этого можно достичь, только если правительство скажет: «Мы собираемся сделать это». Сейчас ведется много дискуссий о роли частного сектора в создании инфраструктуры, участники которых уходят в сторону от сути проблемы. Вот почему Южная Африка, несмотря на трудности, продолжает создавать эффективную инфраструктуру. Одним из доказательств того, что Южная Африка может создавать инфраструктуру, стало проведение в стране чемпионата мира по футболу в 2010 году. Это необходимое условие устойчивого роста. Есть и другие страны, где наблюдается рост, где происходят действительно огромные перемены. Возьмем, например, Нигерию: там стоял вопрос о топливных субсидиях. Эти субсидии отменили. В стране провели банковские реформы. Оказалось, что нынешнее правительство часто действует очень грамотно. Президент Нигерии делает правильные вещи. Но это также означает, что необходимо сильное руководство, готовое принять на себя политические издержки реформ. Когда в Нигерии отменили государственные субсидии на топливо, поднялась волна возмущения, начались политические протесты. Но если действовать

настойчиво, можно провести необходимые реформы и добиться того, что нужно стране. Тогда начнется устойчивый рост.

М. Эллиот:

Превосходно!

Джон, Вы — частный инвестор, долгое время работающий в Африке? Каков Ваш взгляд на все это?

Дж. Портер:

Я согласен со всеми соображениями, высказанными на этой встрече.

Мы в Renaissance понимаем, как много надо сделать для решения отдельных проблем, упомянутых здесь. Это касается, прежде всего, человеческого потенциала и инфраструктуры. Мы рассчитываем на экономический рост и думаем, что задача состоит не в поддержании нынешних темпов, а в их наращивании. Полагаю, что в будущем рост ВВП африканских стран будут обеспечивать другие факторы — не те, которые обуславливали рост в последние пять лет. Поэтому наш девиз должен быть таким: «Прогресс, а не совершенство». Знаете ли вы аббревиатуру MEAT? Это начальные буквы английских слов, обозначающих горнодобывающую промышленность, энергетику, сельское хозяйство и туризм? MEAT во многом стал причиной выдающегося роста ВВП африканских стран, который наблюдался в последние пять лет. Но, как уже подчеркивали другие выступающие, одного только MEAT недостаточно. Не следует впадать в зависимость от добывающих отраслей. Отмечается прогресс в сельском хозяйстве — но, вероятно, он недостаточен. Есть намерение развивать туризм, но сам по себе он не обеспечит рост, с учетом сложившейся на сегодня экономической базы. Но мы смотрим вперед с оптимизмом.

Мы видим явные признаки перемен, и Африка остается одним из ярких пятен в мировой экономической картине. Назову две главных отрасли, во многом недооцененные в прошлом, развитие которых требует значительного

увеличения вложений. Во-первых, это инфраструктура, причем для Африки главной проблемой остается энергетическая инфраструктура. Renaissance предполагает, что рост ВВП Нигерии в следующем году составит 7%. Из-за нехватки энергии и слабо развитой дорожной сети этот рост оказывается на 2—3% ниже потенциально возможного. При надлежащих инвестициях в инфраструктуру он мог бы составить не 7%, а 9—10%. Мы полагаем, что сейчас ситуация меняется. В Нигерии принята программа, предусматривающая двухмиллиардные вложения в энергетику. Утром нам рассказали о бюджете Кении, ориентированном на развитие: 40% расходов идет на инфраструктуру, причем большая часть средств выделяется на строительство дорог. Внимание государственных властей к этим вопросам не ослабевает. Думаю, что они делают все возможное для обеспечения прогресса и перемен к лучшему. Другой фактор развития, как мне кажется, — это деятельность тех компаний, где царит дух предпринимательства.

Я начинал свою карьеру в Индии в 1990-х. Есть много аналогий между тем, что происходит в Африке сегодня и тем, что происходило в Индии в те годы. Возникло множество компаний. Появилось много талантливых африканцев, которые возвращаются домой, чтобы запустить свой бизнес. Теперь о малярии. Несколько недель назад я посетил в Уганде завод, оборудованный по последнему слову техники. Он выпускает препараты для борьбы с малярией и вирусом иммунодефицита — потребность в них сегодня велика и далеко не удовлетворена. Уже зафиксировано существенное снижение заболеваемости малярией в тех районах, где эти лекарства распространяются.

Здесь была упомянута система M-Pesa. Вы знаете, что эта система перевода денег основана на первой революционной технологии, созданной в Африке — и, как мы считаем, не последней. Есть много динамичных компаний и предприимчивых людей, которые успешно преодолевают препятствия, связанные с недостатком инфраструктуры. Они готовы строить и развивать

свой бизнес, готовы преодолевать трудности и становиться драйверами будущего роста.

Перейду к последнему вопросу, который касается инфраструктуры: где взять деньги для инвестиций в нее? Очевидно, что стоимость инфраструктуры огромна. Мы все видели статистику: прямые вложения международных инвесторов в Африку на самом деле сокращаются. Сейчас они упали до уровня 2003 года. Международное сообщество не инвестирует в Африку. Частные инвесторы не вкладывали деньги в этот сектор. Но сейчас у государств появляются новые источники средств, недоступные им в прошлом. Пять лет назад государство могло получить деньги только путем реализации своих лучших активов, приватизации, «продажи того, что досталось дешево». Можно было продать нефтяной блок или приватизировать телекоммуникационную компанию. Активы продавались иностранным компаниям в надежде на инвестиции с их стороны. Но мир изменился, судя по кредитным рынкам, а я думаю, что кредитные рынки — это надежный барометр. Африканские государства получили доступ к разнообразным финансовым ресурсам, недоступным для них ранее. Нигерии и Габону дают в долг под меньший процент, чем Италии. Ангола занимает деньги на более выгодных условиях, чем ее бывшая метрополия, Португалия. А ставки кредитов для Руанды на 15 базисных пунктов ниже, чем для Южной Африки. Ошеломляющие цифры! Год или полтора назад эти ставки были раза в два выше. Ставки были таковы, что об окупаемости кредитов думать не приходилось. Сейчас ситуация изменилась. Вторым драйвером, на мой взгляд, являются взаимные инвестиции африканских стран.

Инвестиции извне не поступают в том объеме, который необходим Африке. При этом мы видим, что все чаще одни африканские страны инвестируют в другие. На прошлой неделе мы участвовали в продаже 1,5% активов Dangote Cement — самой большой частной компании в Африке к югу от Сахары, — суверенному южноафриканскому фонду PIC, крупнейшему в Африке. Можно ожидать, что подобных сделок станет гораздо больше. Они во многом

определят будущее экономики. Трансграничные инвестиции активно осуществляются уже сегодня. В Африке есть десять суверенных фондов национального благосостояния, которые используют имеющиеся ресурсы для получения прибыли. Итак, налицо серьезные вызовы, но есть надежда, что Африка сумеет им противостоять. Мы твердо верим в то, что экономический рост будет продолжаться.

М. Эллиот:

Отличное вступительное слово!

Хочу вернуться к некоторым соображениям, высказанным в начале обсуждения Хелен Кларк, Михаилом и Чарльзом. Главный тезис звучал так: экономический рост должен быть инклюзивным, способствовать сокращению бедности, служить развитию человеческого потенциала. Кроме того, анализ, сделанный ПРООН, продемонстрировал важную роль государственных структур во всех этих процессах. Чарльз, вы привели прекрасные примеры, которые касаются Южной Африки. У нее много проблем, повод для ее критики найти очень легко. Но у вас есть государственный аппарат, который позволяет этим планам осуществляться. Благодаря ему доля домохозяйств, располагающих питьевой водой, возросла с 50% до 90%. Михаил, вы подчеркнули, что одной из главных целей России является усиление африканских институтов — Африканского Союза, ECOWAS, NEPAD и так далее. Джон, согласитесь: высказанные здесь соображения звучат несколько парадоксально: по крайней мере, этими соображениями часто пренебрегают. Мы все говорим о частных инвестициях как о решающем факторе, а между тем вы — все трое — напомнили нам о важности эффективного государственного управления. Хелен, не хотите ли обсудить эту проблему?

Х. Кларк:

Да, мне очень хотелось бы развить мысль Джона.

В этом году Россия, которая председательствует в «Большой двадцатке», настояла на включении в повестку дня вопроса об инвестициях, что очень важно. Сегодня проблема заключается не в недостатке ликвидности у инвестиционных фондов, а в недостатке мест, куда люди хотели бы поместить свои деньги. Это возвращает нас к таким вопросам, как создание благоприятных условий для инвестиций, инвестиционная готовность, способность привлекать средства в значительном объеме. Над этим мы и работаем. Как можно укрепить институты, усилить роль закона и арбитражных разбирательств и так далее, чтобы та или иная страна привлекла внимание инвесторов? Это особенно важно для инвестиций в инфраструктуру. Я родом из страны, где государство берет в долг и на эти деньги осуществляет развитие. В наши дни применять такую модель довольно трудно. В ближайшем будущем финансирование будет осуществляться в основном за счет государственно-частного партнерства. Но каждая страна должна создать у себя необходимые условия, чтобы получить деньги. То же самое относится к финансированию проектов по борьбе с изменениями климата. Киотский протокол предусматривает создание эффективных механизмов чистого развития, которые позволяют развивающимся странам привлекать финансирование, разрабатывая качественные проекты. Однако лишь немногие из малоразвитых стран сумели сделать это, остальные же оказались не готовы к привлечению такого финансирования. Сегодня уже начинают работать «зеленые фонды», сложился рынок торговли углеродными квотами, частные инвесторы проявляют интерес к таким проектам, государственные институты усилились. Поэтому сегодня для инвесторов важнее всего не разработка стратегий и планов, а их исполнение, мониторинг, отчетность, верховенство закона.

М. Эллиот:

Прекрасно.

Михаил, присоединяетесь ли Вы к сказанному?

М. Маргелов

Конечно. Усиление африканских институтов является принципиальным условием.

Все мы помним, что в 2011 году, после начала волнений в Ливии, Африканский Союз оказался в затруднительном положении. Сегодня ему удалось преодолеть так называемый «синдром Каддафи». Африканский Союз укрепляется, заметно активнее противостоит вызовам в области экономики и безопасности. При новом генеральном секретаре Дламини-Зума организация стала действовать намного более энергично. Мы думаем, что время гуманитарной помощи для Африки закончилось, и я полностью согласен с Чарльзом: Африка в ней больше не нуждается. Африка нуждается в развитии и модернизации, поскольку без сильных институтов ее ждет хаос.

М. Эллиот:

Итак, Чарльз, без институтов Африку ждет хаос.

Надо помнить об этом. Мне понравились ваши комментарии относительно Южной Африки. Новости оттуда часто носят негативную окраску, и поэтому важно напоминать о достижениях страны. Вы говорили о реформах в Нигерии. Нет ли признаков улучшения государственного управления в других местах — таких, которые побудят частный капитал вкладывать деньги в ту или иную страну?

Ч. Окехалам:

Да, это действительно так: посмотрите, например, на многие выборы, которые уже состоялись.

Добавлю, что не всегда они связаны с улучшением государственного управления. Кое-где выборы проходят, но с управлением дело обстоит по-старому. Необходимо все то, о чем говорила Хелен Кларк: прочные институты, верховенство закона, гарантия прав собственности и так далее. Необходимо

создать условия для прозрачной передачи прав собственности. Прочность институтов обеспечивается выстраиванием надлежащих отношений между представителями текущей исполнительной власти и гражданскими служащими, а также признанием фундаментальной разницы между ними. Гражданская служба должна на деле служить гражданам. Так создаются прочные институты, которым доверяет население. Было время, когда ни одна африканская страна не привлекала внимания инвесторов. Сейчас же есть, например, Руанда, где у власти стоит сильное правительство. Некоторые даже считают, что порой оно действует слишком жестко — но, так или иначе, результаты его деятельности налицо. У инвесторов возник интерес к этой стране. Но многие африканские страны по-прежнему не интересуют инвесторов. Причина — отсутствие сильных институтов.

Возвращаясь к сказанному Джоном, можно отметить: некоторые страны Африки добились таких хороших результатов, что могут выпускать государственные облигации на значительно более выгодных для себя условиях, чем страны, которые находятся на ином уровне развития. Так, процент по обязательствам Португалии сегодня составляет 9,7%. Соответствующий показатель для Анголы равен 5,9%, Намибии — 3,7%, Южной Африки — 4,3%, Габона — 3,9%. И в голове у инвесторов что-то включается. Но этого недостаточно. Без долгосрочных инвестиций успехи, которые мы наблюдаем, могут оказаться кратковременными. Я по-прежнему остаюсь оптимистом относительно Африки, но у меня есть опасение: что произойдет, когда Европа решит свои проблемы? Как справедливо отметила Хелен, недостатка в деньгах нет. Временами инвесторы останавливаются и ждут, задаваясь вопросом: куда поместить деньги? Если ясности в отношении той или иной страны нет, они продолжают искать подходящее место для вложений. Все относительно. Когда Европа разберется со своими проблемами, предельная стоимость капитала возрастет. Если Африка не использует нынешние возможности навести порядок в своем доме, не

увеличит свою конкурентоспособность, эти потоки капитала в нее не направляются.

Сделаю последнее замечание на эту тему. Статистика показывает, что до 2050 года Африке ежегодно необходимо от 12 до 43 миллиардов долларов для покрытия инфраструктурного дефицита. Ежегодно! Умножим 12 миллиардов, а затем 43 миллиарда, на 37. Результат выражается в триллионах долларов. Как подчеркнул Джон, африканские страны не могут выделить такие суммы из своих бюджетов. Зато они могут выпускать облигации и использовать их для долгосрочного финансирования инфраструктуры. Но для эффективной работы этого механизма должно произойти то, о чем говорили вы, Михаил. Институты должны стать прочными, иначе стоимость капитала будет велика, и эффект от займов (это будут именно займы, а не безвозмездная помощь) окажется неощутимым. Африканским странам же необходимы реальные результаты, им нужно, чтобы привлечение денег произвело положительный эффект. К тому же частный капитал, по моему мнению, не окажет помощи в решении долговременных инфраструктурных проблем. Этого не происходит сейчас, этого не было и раньше — нигде в мире. Иногда можно услышать: «В Соединенных Штатах это произошло в XIX веке». В действительности же в Соединенных Штатах частный капитал инвестировал в инфраструктуру по коммерческим соображениям, но это имело и социальные последствия. Вандербильты, Карнеги, Меллоны из Питтсбурга финансировали инфраструктуру на коммерческих основаниях, что приводило к социальным последствиям. Это очень важное различие. Итак, для восполнения дефицита инфраструктуры необходимо наладить деятельность институтов.

М. Эллиот:

Давайте поговорим об институтах. Есть один аспект привлечения капитала, которого мы еще не касались: он прямо связан с надежностью и эффективностью институтов. Мы должны его рассмотреть.

Этот вопрос был включен в повестку дня саммита «Большой восьмерки» и подготовительных встреч, состоявшихся в последние выходные: я только что вернулся оттуда. Речь идет о налогах, о государственных доходах. Вопрос не столько в том, способны ли африканские государства собирать налоги и эффективно их использовать, сколько в том, почему налоги не собираются. Причина этого — либо уход компаний в налоговые гавани (одна из главных тем, которой на саммите уделялось большое внимание), либо недостаточная плата за право извлечения ресурсов (нефти, газа, руды), вносимая добывающими компаниями. В Соединенных Штатах и в Европе принято законодательство, призванное обеспечить прозрачность в этой области. Однако такая прозрачность еще не стала общемировым стандартом. Думаю, мы нуждаемся в подобном стандарте. Чарльз, давайте поговорим о налогах: это серьезная проблема, не так ли?

Ч. Окехалам:

Да. Я приведу пример, относящийся к Европе.

Несбалансированность европейской торговли связана с евро. Если есть валюта с фиксированным курсом, у одних стран будет постоянный дефицит в торговле с другими странами. Это отражается на налогах: некоторые государства всегда будут испытывать недостаток средств из-за низких налоговых поступлений. Причина недостаточности поступлений — недостаточная налоговая база. Очевидно, в Африке происходит то же самое.

Мне нравится мысль Джона по поводу MEAT. По большей части мы добываем сырье, упаковываем его и отправляем на экспорт. Если мы не научимся создавать добавочную стоимость, то всегда будем иметь дефицит в торговле с западными странами. Этот дефицит будет отражаться и на налогах. Когда соотношение «налоги/ВВП» является слишком низким и при этом необходимо нести социальные расходы, деньги на вашем счете рано или поздно закончатся. Это означает, что вам придется занимать. Это означает, что у вас будет дефицит. Дефицит снижает шансы на устойчивый экономический рост,

поскольку государственных средств недостаточно для финансирования этого роста. В связи с этим встает вопрос: насколько эффективно используются налоговые поступления? Это зависит от состояния институтов. Когда страна начинает испытывать такие трудности, появляется риск коллапса институтов. Выясняется, что невозможно наладить эффективный мониторинг, что люди не делают вещей, которые могли бы делать в других обстоятельствах. Я зову всех ехать в Россию. Это второй мой визит сюда. На следующий год я планирую привезти с собой 30—40 бизнесменов, потому что я ознакомился — как делаю везде — с состоянием инфраструктуры в стране. Это сразу же говорит мне о положении дел, о том, можно ли решать здесь определенные задачи государственного управления. Решение налоговых проблем непосредственно связано с налоговой стабильностью. Есть ведомства, которые работают неэффективно. Я уже касался этого, говоря о гражданской службе. Во многих местах ее нет вообще, а если и есть, большой вопрос, служит она гражданам или нет. Причина проста: недостаточная налоговая база и неэффективная налоговая система не позволяют создать надежный государственный аппарат.

М. Эллиот:

Джон, давайте вернемся к MEAT: думаю, эта тема близка нашей аудитории. И MEAT в целом, и каждый его элемент важны для африканских экономик.

Но они же являются источником проблем, не так ли? Первая проблема связана с добывающей промышленностью. Всем известно, что Африка исключительно богата сырьем, причем запасы его разведаны далеко не так хорошо, как на других континентах — например, в Северной Америке. Как говорит один мой американский друг, «каждый раз, когда вы правильно ищете нефть в Африке, вы ее находите» В Африке имеются огромные запасы нефти и газа — едва ли не каждую неделю сообщается об открытии очередного месторождения — а также драгоценных металлов и прочих полезных ископаемых. Однако промышленности, которая обеспечила бы массовую

занятость, здесь нет. Мы знаем, что Африку ждет демографический бум, и его следует считать благословением, а не проклятием. Но обратимся к опыту Юго-Восточной Азии: там экономический рост обеспечивало развитие промышленности с использованием трудоинтенсивных технологий, не так ли?

Дж. Портер:

Соглашусь с Вами.

Вы специально остановились на горнодобывающей промышленности, но, полагаю, стоит вспомнить и об энергетике — второй составляющей MEAT. В обеих отраслях наблюдается поляризация: с одной стороны — крупные компании, которые работают на африканском континенте уже несколько десятилетий, с другой — молодые, растущие компании нового поколения. Безусловно, некоторые из крупных компаний могли бы больше делать для местных сообществ, создавать больше рабочих мест. Полагаю, сегодня это признают все. Я также думаю, что ситуация меняется, пусть и не так быстро, как многим хотелось бы. Во всяком случае, надежда на перемены есть. Исходя из того, что мы наблюдаем, я предполагаю, что серьезные изменения произойдут после предоставления новых концессий. В этой области государство имеет гораздо больше возможностей. Устанавливать порядок получения концессий эффективнее, чем регулировать сферу инвестиций. Встает вопрос: что будет сделано для общества, как будут делиться доходы? Если взглянуть на рынок акций и на показатели горнодобывающих компаний, особенно молодых, то выяснится, что они находятся в сложном положении. В последние несколько лет их прибыль была незначительной, так что делиться им нечем. По статистике, 15 лет назад в мире насчитывалось менее 100 горнодобывающих компаний, акции которых торговались на бирже. Сегодня таких компаний более 1500. Вероятно, около 1200 из них никогда не приносили прибыли. Рынок создает для компаний слишком большие ограничения, которые уменьшают их прибыли и шансы на успех. В энергетическом секторе мы наблюдаем следующее: компании приходят в те

африканские страны, где обнаружена нефть, стараются установить контроль над нефтяными блоками или купить колл-опционы на них, инвестируя по минимуму, лишь бы не потерять лицензию. Такие компании не занимаются реальной эксплуатацией месторождений, а просто из года в год продлевают лицензию. Но мы видим, что правительства все активнее требуют возврата лицензий.

М. Эллиот:

Думаю, неплохо, что правительства устанавливают новые правила инвестирования в добывающую отрасль. Прозрачность — это прекрасно, ведь так?

Чем более отчетливы и прозрачны правила, тем понятнее, откуда берутся деньги и как они тратятся: вы можете проследить их движение. За последние два года по всему миру произошли большие сдвиги в этом отношении. Мы надеемся, что Россия, Южная Африка, Китай и другие страны введут у себя возникающие сейчас правила относительно прозрачности в добывающей отрасли. Это действительно большое дело. Хелен, не хотите ли подключиться?

Х. Кларк:

Да. Что бы ни решила «Большая восьмерка» по поводу налоговых гаваней и нелегальных денежных потоков, хорошо уже то, что этим вопросом занялась столь авторитетная организация. Я хочу дать развернутый комментарий относительно добывающей промышленности. Мы ясно подчеркнули, что она не может создать большое количество рабочих мест и обеспечить многосторонний экономический рост. Но, конечно, есть развитые страны — Австралия, Норвегия, Канада, — где высокий уровень благосостояния и развития человеческого потенциала был достигнут во многом благодаря богатым минеральным ресурсам и добывающей промышленности. Это хорошие примеры того, как добывающая промышленность работает на благо

страны. Полагаю, что созданный в Ботсване режим добычи алмазов может служить образцом для всей Африки. Гана — одна из стран, где добыча нефти началась сравнительно поздно. Созданные ею институты и механизмы — еще один хороший пример. Следовательно, можно действовать так, чтобы добывающая промышленность становилась благословением, а не проклятием. Главное — она должна служить развитию других отраслей экономики, что опять возвращает нас к институтам и проблеме прозрачности. Что такое налоговый режим? Можно ли собирать налоги надлежащим образом? Будут ли они поступать в бюджет? Как они будут распределяться? Затем, следует обратить внимание на приоритеты — развитие инфраструктуры и человеческого потенциала. Если обеспечить его, может появиться положительный «заколдованный круг». Далее, нужно не только добывать сырье — копать, качать, отгружать, — но и создавать добавленную стоимость, о чем уже говорилось. Что является источником добавленной стоимости? Следует наладить переработку сырья, что позволит создавать больше рабочих мест и возможностей для квалифицированных специалистов. Правильный подход к делу требует осуществления всех этих мер. Африка не должна вечно оставаться источником сырья, которое вывозят в другие места. Она должна стать — и постепенно будет становиться — местом, куда направляется поток инвестиций, а ее население будет извлекать выгоду из этих инвестиций.

М. Эллиот:

Прекрасно!

Нет ли вопросов от аудитории? У нас проходит довольно оживленная и крайне интересная дискуссия. Пожалуйста!

К. Бакли:

Спасибо!

Я — Кива Бакли из BHP Billiton. Хочу уточнить кое-что насчет прозрачности. По Вашим словам, на саммите «Большой восьмерки» в прошлые выходные говорилось о том, что налоговые выплаты добывающих компаний недостаточны. На самом деле об этом не говорилось. Я была там. Действующая налоговая ставка для нас составляет 38%. Налог на прибыль, который мы платим...

М. Эллиот:

Я не говорил о том, что налоговые выплаты недостаточны.

Я говорил об инициативах, связанных с прозрачностью, которые обсуждались в субботу, и нашли свое отражение в декларации, принятой на саммите в Лох-Эрне.

К. Бакли:

Действующая налоговая ставка для нашей компании составляет 38%, и у нас нет никаких налоговых гаваней. Я могу сказать то же самое про большинство наших коллег.

Правила, принятые в США и ЕС, не распространяются на 15—20 миллионов старателей-одиночек и небольших горнодобывающих предприятий. Они распространяются лишь на компании, акции которых котируются на биржах США и ЕС. Я хотела бы отметить, что BHP Billiton, Rio Tinto и Statoil — три наиболее прозрачные компании в мире, по оценке Transparency International. Хелен Кларк сделала очень важное замечание о возможности увеличения нашего вклада в экономическое развитие Африки. Да, мы не нанимаем много рабочих — разве что во время строительства шахт и рудников, — но можем содействовать ускорению развития благодаря цепи поставок. Возьмем Чили, которая входит в ОЭСР, но где, тем не менее, социальное неравенство до сих пор является проблемой. Мы уплачиваем там налоги в размере 1 миллиарда долларов, однако наш общий вклад в экономику страны составляет 11 миллиардов долларов. Я думаю, есть перспективная область, где отдача от

приложенных усилий будет максимальной: это обслуживание потребностей горнодобывающей промышленности. Мы можем оказать Африке немалую помощь, развивая эту отрасль.

М. Эллиот:

Прекрасно!

Отличное выступление. Михаил?

М. Маргелов:

Хочу сделать небольшое замечание относительно налогов.

После того, как разразился финансовый кризис, некоторым африканским государствам показалась привлекательной российская банковская система: хеджируя риски, они открывают депозиты в российских государственных банках. Это валютные депозиты; некоторые вкладчики переводят эту валюту в российские рубли. В западных банках проценты по вкладам отрицательные. Вклады в кипрских банках можно потерять. С российскими банками можно зарабатывать деньги. При плоской шкале и тринадцатипроцентной ставке подоходного налога — это стандартная ставка в Российской Федерации, — такая возможность становится все более привлекательной. Конечно, кое-где есть «тихие гавани», но Европейский инвестиционный банк к ним не относится.

М. Эллиот:

Благодарю.

Очень хорошо. Еще вопросы? Пожалуйста!

М. Мпахлуа:

Добрый день!

Я — посол Южной Африки в Российской Федерации. Хочу поблагодарить всех выступающих. Особенно впечатлило меня выступление Джона. Думаю, что

Вы, Джон, очень хорошо понимаете ситуацию, поскольку делаете то, чего многие не делают: изучаете положение в отдельных странах. Не стоит говорить об Африке как об одном большом целом. Африка состоит из отдельных стран, и в некоторых происходят действительно позитивные сдвиги. На этом я и хотел бы остановиться. Мне интересно было бы узнать, как некоторые выступавшие отнесутся к моим соображениям: они частично вытекают из уже сказанного, а частично основаны на моих собственных наблюдениях.

Михаил много говорил о макроинститутах в Африке, и это действительно очень важный вопрос. Однако, исходя из того, что говорили другие, нам необходимо развивать и микроинституты. Для управления современной экономикой нужно создавать множество регулирующих институтов. Думаю, данный вопрос требует особого внимания, и сделать это можно только на уровне отдельных стран. Создание таких институтов повлечет за собой введение объективных критериев, наподобие правил приема на работу в частном бизнесе. При установлении четких правил эффективность работы повышается. По-моему, различие между Южной Африкой и многими другими странами состоит как раз в наличии множества институтов. Этот вопрос, повторяю, требует особого внимания. Как южноафриканец я полагаю, что Нигерия — хорошо управляемая страна с развитыми институтами — имеет большой потенциал в силу ее внутреннего динамизма. В Нигерии много людей с хорошим образованием, и страна может далеко пойти в своем развитии. Наличие развитых институтов вызывает доверие к ним со стороны граждан, что сужает возможности для прямых политических манипуляций и коррупции. Это первое, о чем я хотел сказать. Если вы спросите, каковы сегодня три основных приоритета для Африки, я скажу так: первый приоритет — это институты. Второй — инфраструктура, о которой уже говорилось. Третий — это человеческий капитал, поскольку создание институтов и инфраструктуры напрямую зависит от наличия в стране достаточного числа

квалифицированных работников. Институты — это не здания. Институты — это люди, которые работают в зданиях.

Последнее, чего я хотел бы коснуться — это инфраструктура. Вряд ли кто-то сомневается в ее необходимости. Здесь уже упоминались доброкачественные планы и программы развития инфраструктуры. Полагаю, что эта проблема имеет два аспекта. Во-первых, есть Африканская инфраструктурная программа, которая породила целый ряд инициатив в этой области по всему континенту. Мы должны начать привлекать частный сектор к инфраструктурным проектам, чтобы перейти к их активной реализации. Во-вторых, необходимо финансирование. Для его получения следует выдвигать различные инициативы, черпать средства из множества источников.

Один из способов организовать финансирование — использовать налоговые ресурсы, потому что деньги в Африке есть. Они здесь. Они перетекают. Они пересекают границы, циркулируют в обществе. Налоговая система — одно из преимуществ Южной Африки. После установления демократии мы занялись в первую очередь именно налогами. В условиях безработицы и бедности мы провели непростую налоговую реформу, что позволило государству сконцентрировать ресурсы и начать перемены. Теперь мы в состоянии дать нашему населению значительно больше питьевой воды и электричества. Это можно проделать и в других странах. Второй способ — проводить в жизнь внутриафриканские инициативы, о которых говорили Вы, Джон. Это тема, которую Вы обсуждали с представителями PIC и Dangote.

Третий способ — создавать многосторонние институты для финансирования проектов, в которых участвуют нескольких стран. Предложение создать Банк развития стран БРИКС выглядит привлекательно, так как сейчас нет институтов, способных финансировать совместные проекты. И последнее: страны Африки принимают участие в различных партнерствах именно из-за отсутствия подобных структур. Мы хотим, чтобы российские банки подключились к процессу финансирования, и Renaissance Capital уже проделал в Африке очень хорошую работу. Благодарю вас.

М. Эллиот:

Джон, как вы полагаете, Renaissance Capital проделал хорошую работу?

Дж. Портер:

Мы делаем все, что в наших силах.

На месте видно, что Южная Африка инвестирует в другие африканские страны больше, чем кто-либо еще. СМИ нередко сообщают о вложениях китайских компаний в инфраструктуру, об инвестициях, сделанных той или иной страной. Но очень часто, когда я попадаю в какую-либо африканскую страну и спрашиваю: «Кто построил этот торговый центр?», мне отвечают: «Shoprite». «Кто построил этот лесокombинат?» — «Steinhoff». Некоторые компании из ЮАР опережают всех своих конкурентов во многих африканских странах. Мы применяем специальные инвестиционные стратегии. Я думаю, что Южная Африка достигла больших успехов в осуществлении инвестиций и в других областях. Такие организации, как PIC, пришли к выводу, что во многих странах к югу от Сахары достигнута точка перелома, и теперь рискованнее не инвестировать, чем инвестировать. Соответственно, им нужно делать вложения. Им пора вкладываться в успешно развивающиеся компании, поскольку точка перелома достигнута.

М. Маргелов:

В ответ на слова Его Превосходительства посла о российских банках могу сказать, что, находясь в Анголе, я обычно пользуюсь банкоматами «ВТБ Африка». Это российский государственный банк. Российские банки уже пришли в Африку, и они расширяют свое присутствие там. Мы ожидаем, что и африканские банки придут в Россию. Создание Банка развития стран БРИКС — превосходная идея. Я был в Дурбане на саммите БРИКС и помню все дискуссии на этот счет. Уверен, что эта идея вскоре будет реализована. Я хотел бы сделать небольшое замечание по поводу микроинститутов. Следует

быть осторожнее при их создании — и не только в Африке. Один африканский политик горячо выступал за создание микроинститутов. Его лозунг был таким: «Нет демократии без народных конгрессов и комитетов. Конгрессы и комитеты должны существовать повсюду». Его звали Муаммар Каддафи.

М. Эллиот:

Хорошо.

Есть два вопроса из первого ряда.

М. Нкоси:

Спасибо.

Меня зовут Монде Нкоси. Я вхожу в состав южноафриканской делегации на саммите «Молодежной двадцатки». Во-первых, Джон, я хочу развить Вашу мысль о Южно-Африканской Республике и остальной Африке. Экономический рост Африки, в частности, Африки к югу от экватора, сопряжен с большими выгодами для нас. Возьмем, к примеру, Нигерию. MTN, южноафриканская телекоммуникационная компания, имеет в Нигерии 45 миллионов абонентов. Это равно населению Южной Африки. Мы не сможем двигаться вперед, если в остальной Африке не будет роста. Поэтому мы активно инвестируем, способствуя экономическому росту Африки за пределами ЮАР. Я хочу задать два вопроса. Хелен, Вы упомянули о важности государственно-частного партнерства для развития инфраструктуры. Чарльз, Вы сказали, что сейчас ведутся дискуссии о роли частного сектора в создании инфраструктуры, причем их участники уходят в сторону от сути проблемы. Хочу спросить Вас прямо: что Вы думаете о роли частного сектора в развитии инфраструктуры? Второй мой вопрос — более личного свойства. У молодых африканцев, с моей точки зрения, есть много возможностей. У вас есть друзья в диаспоре, в правительстве, в частном секторе и так далее. Что Вы лично думаете о роли молодых африканцев в развитии нашего континента? Этот вопрос обращен и ко всем остальным.

М. Эллиот:

Чарльз, Вы хотите ответить на вопрос об инвестициях и инфраструктуре?

После этого каждый может дать свой ответ. Вы можете ответить и на второй вопрос, а за Вами — все остальные. Кстати, Вы достаточно молоды, не так ли?

Ч. Окехалам:

Конечно, я молод. Мне 50 лет.

Я ощущаю себя молодым, хотя иногда, когда я занимаюсь спортом, то понимаю, что уже не тот, что 30 лет назад. Но, тем не менее, я попытаюсь ответить на этот вопрос о роли частного сектора в развитии инфраструктуры. Я считаю, что есть два вида инфраструктуры. Обсуждение инфраструктуры как таковой — это и есть уход от сути проблемы, потому что есть базовая и прочая инфраструктура. Базовая инфраструктура — это системы водоснабжения, автодороги, железные дороги (некоммерческие). Прочая инфраструктура обычно зависит от базовой. Типичный пример такой инфраструктуры, на мой взгляд, — телекоммуникационные линии и коммерческие железные дороги. Почему я делаю это разграничение? Дело в том, что частному сектору нужен возврат на вложения. В противном случае он не будет инвестировать. Он вкладывает деньги в расчете на прибыль, а не безвозмездно. В этом и состоит различие. Частному сектору необходим возврат на капитал. Поэтому он инвестирует, имея в виду финансовую отдачу от инвестиций. Он рассчитывает на прибыль. Он не будет финансировать строительство линии электропередачи в сельской местности, а вложится в независимого производителя электроэнергии. Он профинансирует строительство пассажирской железной дороги, только если это принесет ему прибыль. На северо-востоке Нигерии есть люди, которые никогда не бывали на юге страны. Порой кто-нибудь идет пятничным утром в мечеть (при всем уважении к мусульманам, я христианин, хотя моя жена мусульманка), а затем

решает, что должен продемонстрировать свое недовольство другими людьми, для чего надо заложить бомбу: ведь он с севера, а те, другие, — с юга. Иногда люди делают это, не повидав в жизни ничего, кроме родных мест. Граждане одной страны физически разобщены из-за отсутствия базовой инфраструктуры. Базовая инфраструктура должна создаваться правительством, для чего оно должно проводить реформы. Если не проводить реформы, средств на инфраструктуру не будет. При этом прозрачность должна быть на первом месте: иначе, даже если деньги появятся, они будут украдены и осядут в швейцарских банках без всякой пользы.

Перехожу к последнему вопросу — о том, что может сделать молодежь. Она может сделать многое. Только не надо выдвигать лозунги: «Молодежь — наше будущее» и тому подобное. Дело в том, что информационные технологии сейчас играют особую роль. Любой из тех, кто сидит здесь и кому больше 45 лет, с готовностью согласится — а если не согласится, пусть подумает об этом лишний раз — что каждый, кто годится ему в сыновья или дочери, намного более продвинут в данной области. Это относится и ко мне. Информационные технологии и бурное распространение информации меняют сознание молодых людей, порождая инновации, решения, о которых говорил Джон. Будет все больше систем, подобных M-Pesa. Будет все больше новых идей. Будет все больше способов действовать по-новому в тех ситуациях, в которых сейчас принято действовать стандартно. Я глубоко уверен в том, что вы будете на первых ролях. Не позволяйте заглушить свой голос. Говорите громче. Делайте больше.

М. Эллиот:

Еще один вопрос, после чего я попрошу экспертов высказать заключительные соображения.

К. Орман:

Здравствуйтесь!

Меня зовут Кафер Орман. Я — руководитель турецкой делегации на саммите «Молодежной двадцатки». Сразу же хочу сказать, что высоко оцениваю успехи африканских стран. Приятно слышать, что Африка поднимается: ведь на нее привыкли смотреть с жалостью. Опросы, проводимые Институтом Гэллага, показывают: большинство африканцев верят в позитивные перемены, в то, что их детей ждет лучшее будущее. Как уже говорилось, такие товары, как мобильные телефоны, становятся все доступнее жителям африканских стран, а Нигерия ежегодно производит больше фильмов, чем Соединенные Штаты. Со времен «холодной войны» число демократических государств в Африке выросло с 3 до 25. Авторитарных правительств, путчей и войн стало гораздо меньше. Время от времени возникают конфликты, но менее кровопролитные, чем раньше. Произошел масштабный переход от централизованной плановой экономики к рыночной экономике, развивается частный бизнес. Особенно резко изменилась ситуация в Кении и Нигерии. По оценкам Мирового банка, через десять лет в Африке будут преимущественно страны со средним уровнем доходов.

М. Эллиот:

У вас есть вопрос?

К. Орман:

Да. Перехожу к своему вопросу.

Он касается помощи посредством торговли, о чем говорил господин Окехалам. Турция намеревается заключить соглашения о свободной торговле со многими африканскими странами. Хотелось бы больше узнать о том, как в Африке развивается торговля, какие коммерческие соглашения заключаются.

Ч. Окехалам:

Может быть, об этом расскажет Хелен?

Х. Кларк:

Две недели назад я вернулась с большого японско-африканского форума — Токийской международной конференции по развитию Африки. На ней японцы сделали несколько щедрых предложений в рамках программы предоставления Официальной помощи развитию. На это африканские лидеры ответили: «Спасибо, но мы бы хотели расширения торговли с вами, а также ваших инвестиций».

Африканцы действительно думают не о гуманитарной помощи. Они хотят не благотворительности, а новых возможностей. Они хотят инвестиций и расширения торговли. Для этого потребуется сделать многое, о чем здесь уже говорилось. Необходимо создать благоприятные условия для инвестиций, чтобы деньги потекли в инфраструктуру: тогда станет возможной революция в обрабатывающей промышленности, наподобие той, что произошла в Юго-Восточной Азии. Все это становится крайне важным. Думаю, Африка может перепрыгнуть через самые трудные этапы инфраструктурного развития: нет никакой необходимости во всем следовать по традиционному пути. Например, когда в моей стране создавалась национальная энергосистема, пришлось строить линию электропередачи протяженностью свыше 2000 километров, достигающую отдаленных районов. Это потребовало больших затрат. Вы можете действовать иначе и создавать децентрализованную систему с автономными сетями. Большое значение будут иметь «умные» стратегии, которые позволят снабдить электроэнергией все население при помощи новейших технологий. Каждый сможет внести в это свой вклад. Свою роль сыграют и государственно-частные партнерства. Будет чем заняться добросовестным агентствам по развитию и партнерам, способным помочь в реализации перспективных проектов. Мы сумеем сделать это. Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий проводные телефонные линии становятся ненужными. В них больше нет надобности. Как подчеркивали другие выступающие, в Африке сегодня используются

новейшие информационно-коммуникационные технологии, самые современные системы мобильного банкинга и так далее.

Наконец, я хотела бы ответить на вопрос об Африке и молодежи. Мы говорим о новом позиционировании Африки. Это не только ребрендинг, не только взгляд под другим углом, верно? Африка раскрывает свой потенциал. Я думаю, молодых людей привлекают новые возможности, шансы выдвинуться. Мой совет будет таким: «Используйте свои таланты дома». Думайте о карьерных перспективах на своем континенте, используйте возможности, которые дает экономический рост. Надеюсь, что люди будут стремиться не только к собственному благополучию, но и к участию в развитии общества. В конце концов, именно жители Африки будут вести ее вперед. Развитие человеческого потенциала позволит дать людям образование, сохранить их здоровье, улучшить их быт. Они спрашивают: «Есть ли у нас работа? Можем ли мы внести свой вклад в общественное развитие? Имеем ли мы право голоса?» Сегодня это невероятно интересно — быть молодым жителем Африки и вносить свой вклад в ее развитие.

М. Эллиот:

Джон, прошу, Ваше заключительное слово. Затем я предоставлю слово Михаилу, как представителю принимающей стороны.

Дж. Портер:

Прекрасно, что мы завершаем нашу встречу разговором о молодежи.

Честно говоря, мы не знаем, какова будет скорость реформирования институтов, удастся ли достичь прозрачности в сфере государственного управления. Зато у нас есть надежда на большие перемены, поскольку молодежь возвращается в Африку, чтобы заниматься здесь бизнесом. Мы надеемся на таланты этих людей. Расскажу одну историю. На прошлой неделе я был в Африке и встретил молодого предпринимателя, который работает в сфере высоких технологий. Он жил на западном побережье США, а потом

вернулся из Менло-Парка в свой родной Мозамбик, чтобы основать там компанию. Итак, он вернулся, и через несколько дней его друг предложил: «Давай сходим на наш ореховый заводик». Когда у него выдалось свободное время, он посетил заводик. Выяснилось, что там пакут орехи кешью и отправляют большими партиями в Индию, где орехи вышелушивают и расфасовывают. Этот человек сказал своему другу: «Почему бы нам самим не вышелушивать и не расфасовывать их? Сотни рабочих мест переместятся из Индии в Мозамбик». Есть множество мелких историй наподобие этой. Вернувшись в Африку, вы принесете больше пользы, чем можете себе представить, на путях, которых сейчас не можете себе представить.

М. Маргелов:

Я родился в 1964 году, а впервые попал в Африку в 1967-м и провел там большую часть детства. Поэтому я считаю себя молодым африканцем. Каждый раз, посещая лагерь беженцев в Дарфуре, я поражаюсь настроением молодежи — они совершенно не те, что у старшего поколения. Старшие часто жалуются и вспоминают о прошлом. Молодые никогда не жалуются: они обсуждают будущее и существующие возможности. Вот ответ на ваш вопрос. Молодежь добьется успеха, если отвергнет принципы своих отцов: «один день — одно дело» и «когда угодно, только не сейчас». Благодарю вас.

М. Эллиот:

Спасибо.

Пожалуйста, аплодисменты! Сессия действительно получилась очень интересной. Благодарю вас всех: Чарльза, Михаила, Джона, Хелен. Хорошего дня! Увидимся позже. Большое спасибо! Доброго вам утра, дамы и господа!